

И. И. Тихомирова

ДОБРУ ОТКРОЕМ СЕРДЦЕ

секреты семейного
чтения

Ираида Тихомирова

**Добру откроем сердце.
Секреты семейного чтения**

Издательство «Детская литература»

2020

УДК 028.5
ББК 78.39

Тихомирова И. И.

Добру откроем сердце. Секреты семейного чтения /
И. И. Тихомирова — Издательство «Детская литература», 2020

ISBN 978-5-08-006455-5

Книга одного из лучших специалистов по чтению в нашей стране И. И. Тихомировой раскрывает новый аспект темы чтения. Издание представляет собой своеобразный обучающий курс по нравственному воспитанию детей младшего и среднего школьного возраста на материале чтения и обсуждения литературных произведений. Созданное в рамках проекта РШБА «Читающая мама – читающая Россия», пособие предназначено главным образом родителям для проведения семейных чтений. Оно может быть также использовано библиотекарями и учителями начальной и средней школы для уроков внеклассного чтения по нравственной тематике. Цель – гуманизировать сознание детей, опираясь на анализ поведения литературных героев и сопереживание с ними. За основу взят «оперативный» для воздействия на читателя жанр рассказа, раскрывающий близкую опыту ребенка ту или иную жизненную ситуацию и ее разрешение. Отобранные для обсуждения лучшие рассказы отечественных авторов сгруппированы в тематические разделы: «В ответе за тех, кого приручил», «Совесть, или Суд над собой», «О шутке всерьез», «О силе воли и силе духа» и др. Каждый раздел содержит введение в тему, методические аннотации на приводимые в пособии рассказы, вопросы для обсуждения и список дополнительной литературы по обсуждаемой теме. Книга призвана помочь библиотекарям, учителям, родителям развивать в детях способность наблюдать, сравнивать, оценивать поведение персонажей, их взаимоотношения, вдумываться в сложность человеческих характеров и обстоятельств, включать читаемое в контекст собственной жизни. Нравственное воспитание в пособии сочетается с формированием культуры чтения и литературно-критического мышления. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 028.5

ББК 78.39

© Тихомирова И. И., 2020

© Издательство «Детская
литература», 2020

ISBN 978-5-08-006455-5

Содержание

Предисловие	7
Раздел 1. Совесть, или суд над собой	11
О рассказе Виктора Астафьева «Зачем я убил коростеля?»	13
О рассказе Валентины Осеевой «Бабка»	15
О рассказе Юрия Нагибина «Старая черепаха»	19
О рассказе Владимира Солоухина «Ножичек с костяной ручкой»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Ираида Тихомирова
Добру откроем сердце
Секреты семейного чтения
Метод. пособие для родителей
и руководителей детского
чтения, снабженное текстами
литературных произведений для
чтения и обсуждения с детьми**

© Тихомирова И. И., 2015

© Тихомирова И. И., дополнения и изменения, 2020

© Русская школьная библиотечная ассоциация, 2015

© Оформление. АО «Издательство «Детская литература», 2020

* * *

Предисловие

Становись, становись, становись человеком скорее...

В. Высоцкий

Под развивающим чтением мы понимаем восхождение читателя к постижению нравственных ценностей, отраженных в художественной литературе. Цель пособия – через углубленное чтение лучших литературных произведений гуманизировать сознание и поведение детей, развивать в них способность к состраданию, отзывчивости, милосердию. В пособии сделана попытка соединить педагогику чтения с педагогикой этической культуры, рассматривающей поступки и отношения между людьми с точки зрения представлений о добре и зле. Это проблема не частного порядка. Как рассуждал философ Иван Ильин: «Всякий добрый – независимо даже от своих внешних поступков – добр не только про себя, но и для других; всякий злой – даже если он злится про себя, – зол, и вреден, и ядовит для всего человечества». Сегодня, когда в обществе произошло крушение одной системы ценностей и становление другой, особенно пострадали дети. Главным учебником жизни стал Интернет – территория свободы, полная соблазнов и опасностей для неокрепшей души. Как пишет в журнале «Твоя семья» девятиклассница из Санкт-Петербурга: «Нам дали свободу, но не объяснили, зачем и как ею пользоваться». В условиях, когда добрым стало быть стыдно, не прогрессивно, когда ржавчина безнравственности проникла в основу жизни, в том числе в детскую среду, проблема этической культуры, основанной на постулатах морали и ценности каждой человеческой личности, особенно обострилась. Нравственность как стратегическая цель человеческого бытия превратилась в пережиток. Границы между добром и злом оказались размытыми, что приводит к разрушению самого понятия «культура», а вместе с ней к разрушению человеческой личности. Дети воспитываются в равнодушии друг к другу. Нравоучениями и лекциями о гуманности проблемы не решишь. Готовность к состраданию живет в глубине души человека, в эмоциональной сфере его сознания. А они, как известно, «питаются» не знаниями о том, что хорошо, а что плохо, а искусством, квинтэссенцией которого является искусство слова – художественная литература, отражающая жизнь в образах и влияющая на читателя через чувства.

О чем бы ни рассказывал настоящий писатель в своем произведении, он всегда говорит о человеке, исследует его состояния и, улавливая движения души, пробуждает к нему «чувства добрые». Не давая готовых рецептов обретения нравственной культуры, литература силой художественных образов развивает в читателе способность наблюдать, сравнивать, оценивать поведение человека, его отношение к людям, учит вглядываться в жизнь, вдумываться в сложность характеров и обстоятельств, сопереживать другим людям и включать читаемое в контекст собственной жизни. Читая художественное произведение, читатель получает не просто знания, а знания, которые захватывают душу: знания-погружения, знания-переживания, знания-интерпретации. Это индивидуально-личностные, не тиражированные знания, входящие в «я» читателя и по-своему преобразованные его сознанием.

Психологами замечено, что уже в дошкольном возрасте ребенок способен по каким-то только ему известным признакам отличать злого человека от доброго. Но не все так просто. Внутренний мир человека скрыт от непосредственного наблюдения. Человек может казаться совсем не таким, каков он есть на самом деле. За улыбкой может скрываться горе. За грубостью – душевная щедрость. Произнесенное слово может содержать и правду, и ложь. Как все это распознать? Как строить свои отношения с людьми? Как найти точку опоры в своих суждениях о них и о себе?

Большое значение в нравственном воспитании школьников средствами художественной литературы имеют обсуждения, диспуты, беседы о прочитанном. Проблемные вопросы, свя-

занные с поведением конкретных литературных героев и их взаимодействием с другими, активизируют самостоятельные нравственные поиски читателя, заставляют его задуматься о людях и о самом себе, анализировать, определять критерии оценки реальных людей, высказывать свои суждения.

Обсуждения литературного произведения в отличие от школьного анализа текста строятся как разговор с детьми о жизни, о людях, о субъективном восприятии прочитанного, о духовных ценностях и о себе самих. Цель обсуждений – не теоретизирование о добре и зле, а сугубо практическая задача: проследив судьбы героев, почувствовать гуманную интонацию автора, включиться в жизнь персонажей, вдуматься в мотивы их поведения, разделить с ними и радость и горе, поставить себя на их место, открыть в себе собственные возможности и перспективу нравственного роста.

Эта практическая задача особенно актуальна сегодня в связи с введением в школе нового учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Этот курс рассматривается как основной элемент системы духовно-нравственного воспитания личности, члена современного общества и гражданина России. Основная задача этого курса – дать ответы на вопросы: почему одни совершают добрые поступки, а другие делают зло себе и окружающим? Что нужно делать, чтобы хороших людей было как можно больше?

Как и любая наука, этика дает знания и осваивается через мыслительную деятельность школьника. В отличие от нее художественная литература дает читателю не просто знания, которые надо запомнить. Она дает опосредованный через художественные образы и сопереживание с ними опыт жизни. Она эмоционально вовлекает человека во внутренний мир людей, в борьбу мотивов, дает навыки нравственного самоанализа и сопоставления себя с литературными героями. Читая художественное произведение, читатель проигрывает определенные жизненные сценарии, модели поведения и взаимоотношений людей, погружается в мир чужих радостей и страданий, тренирует себя на ответную реакцию. Литературные герои и те жизненные обстоятельства, в которые они попадают, помогают читателю пережить и осмыслить состояние добра и зла, любви и ненависти, милосердия и искушения, поражения и победы.

Среди разных жанров литературы особое место в разработке методики обсуждения занимает жанр рассказа. Незначительный объем повествования о каком-то случае из жизни в сочетании с емкостью содержания произведения требует от читателя особо вдумчивого чтения и сотворчества. Рассчитанный на усвоение сразу и целиком, как говорят, «в один глоток», рассказ отличается оперативностью воздействия. Это делает его удобным материалом для работы в классе, дома, в библиотеке, не отнимающим времени на подготовку. Чтение вслух небольшого рассказа занимает времени меньше, чем его обсуждение. Свежесть впечатлений и нравственных переживаний, не успевшая еще угаснуть острота чувств, полученных при чтении или слушании произведения, внимание к деталям возбуждают мысль школьника, стимулируют активность участия в общем разговоре. Но чтобы рассказ задел за живое, он должен быть и в художественном, и в психологическом, и в нравственном отношении безупречен и принадлежать перу писателя-гуманиста, болеющего душой за моральный облик ребенка.

К подлинным мастерам названного жанра духовно-терапевтической направленности, не имеющего срока давности, можно отнести многих отечественных писателей второй половины прошлого столетия, чьи произведения переиздаются до сих пор. В их плеяду входят и детские писатели, и взрослые, пишущие для детей. Среди них В. Астафьев, В. Распутин, В. Солоухин, Ю. Нагибин, В. Драгунский, В. Голявкин, Ю. Томин, Р. Погодин и многие другие. Их произведения, актуальные для своего времени, не только не устарели, но еще более актуализировались для нашего времени – времени «расшатывания» нравственных ценностей, культа потребления, информации и Интернета. Внутренний мир нынешних детей в большинстве своем оказался несформированным, лишенным гуманности и цельности. Опыт показывает, что блага цивилизации в виде электронных информационных технологий и личного комфорта не преобразу-

ются в блага духовной и нравственной культуры и порой несут в себе не гуманное, а антигуманное содержание, противоречащее традиционным нравственным устоям. Страдают этим и многие произведения современной массовой литературы, адресованной детям.

При отборе рассказов для чтения и обсуждения я, как составитель данного пособия, исходила из следующих критериев: чтобы рассказ был о детях и культивировал традиционные нравственные ценности; чтобы его можно было прочитать за несколько минут целиком или во фрагментах и по свежим впечатлениям обсуждать; чтобы рассказ был художественно совершенным и содержал сюжетную нестандартность, обостряющую интерес читателей и пробуждающую желание откликнуться; чтобы он, поднимая важные нравственные проблемы, не давал готовых решений, а предоставлял читателям самим думать, отстаивать свою позицию и через активность размышления и сопереживания с литературными героями делать самостоятельные выводы. Вместе с тем чтобы, отражая разные варианты и нюансы человеческих отношений, рассказ был бы близок опыту подростков и мог вызывать у них жизненные ассоциации. Найти такие рассказы было все равно что найти крупинку золота в грудке песка. Большую помощь в поисках рассказов оказали мне пособия для родителей И. Н. Тимофеевой «Что читать вашему ребенку от года до десяти» (СПб., 2000) и М. С. Костюхиной «Детская литература о проблемах детства» (СПб., 2003). Схожую идею организации материала, какая заложена в публикуемом пособии, я обнаружила в учебном пособии для вузов Е. И. Николаевой «Воспитание толерантности: психологическое сопровождение обучения в начальной школе» (М., 2007), в котором нравственные категории рассматриваются автором на материале отрывков из художественных произведений. Однако в подборе литературных произведений для обсуждения и в принципах методического подхода к ним я более всего опиралась на собственный библиотечный опыт. Двигимая личным профессиональным интересом, я собирала лучшие рассказы для детей всю жизнь и проверяла их восприятие на детях и взрослых. Со временем рассказы в зависимости от нравственной проблематики объединились в десять разделов. Среди них: «В ответе за тех, кого приручил», «Совесть, или Суд над собой», «О правде, лжи и детской фантазии», «О силе воли и силе духа», «Доброта – счастью сестра» и др. Каждый раздел содержит введение в тему, методические аннотации на содержащиеся в нем рассказы, вопросы для обсуждения и список дополнительной литературы, расширяющей рамки обсуждаемого литературного материала. Ни одно из включенных в тот или иной раздел произведений не повторяет другого ни в сюжетном плане, ни в нравственной проблематике.

Решающее значение для успеха обсуждения имеют вопросы. Они не похожи на вопросы викторинного типа: «что?», «где?», «когда?», «сколько?», какими нас в обилии снабжают ведущие с экрана телевизора. Как говорит библиотечкарь Татьяна Михайловна Плохотник – мастер обсуждения литературных произведений в жанре рассказа, – у хороших вопросов много общего с символическим образом: они неисчерпаемы, в них скрывается бесчисленное множество ответов, оттенков, поворотов мысли. На них нельзя ответить однозначно «да» или «нет» и оценить ответы «правильно» или «неправильно». Ответы могут быть или глубокими, или поверхностными, аргументированными или нет. Такие вопросы помогают налаживать диалог между литературными героями и читателями, между писателями и участниками обсуждений, между взрослыми и детьми. Они заставляют думать. Они провоцируют споры, рожают читательское вдохновение, задевают за живое. Вопросы к литературному произведению должны соответствовать природе восприятия: будить воображение читателя и его жизненные ассоциации, обострять внимание к существенным деталям, активизировать эмоции и самостоятельную мысль, в знакомых ситуациях искать новые смыслы, побуждать к смене эгоистических установок, дополнять написанное собственным творчеством. В данном пособии вопросы для обсуждения рассказов составлялись исходя из названных критериев.

М. Горький писал: «Чтобы судить о таланте автора, я должен видеть... как он изображает человека, как его люди говорят, что они думают, что делают и почему они поступают вот

так, а не иначе». Из этого следует, что и само обсуждение произведения, направленного на человека, на его внутренний мир и поведение, может быть полезным не только в плане воспитания гуманного отношения к людям, но и в отношении развития у юных читателей образного мышления, культуры восприятия, реализации своего творческого потенциала в чтении. Как известно, нынешние подростки не любят литературную классику, особенно произведения большие по объему. Содержание романа или повести, как правило, многопланово. В этом отношении рассказ имеет преимущества. В нем чаще всего изображен один нравственный конфликт, разрешение которого и падает на долю читателя, вызывает к его активности. Собранные вместе рассказы образуют своего рода «банк» нравственных ситуаций, в какие попадает или может попасть каждый растущий человек. Малая доза хорошей литературы, глубоко осмысленная и эмоционально воспринятая подростком, может стать прививкой интереса к большой литературе. Когда-то писатель В. Солоухин в капле росы увидел солнце и написал об этом книгу. В «маленьких часиках» рассказа предстоит разглядеть большое время и попытаться через искусство слова ответить на вечные вопросы бытия: Что такое добро и что такое зло? Что такое счастье? Что такое душа? Что такое Человек и зачем среди них «я» в этом мире? Как заметил Андрей Кураев, автор учебника для школьников «Основы духовно-нравственной культуры народов России», задача состоит в том, «чтобы ребенок научился реагировать не только на боль в пальчике, но и на болевой укол своей совести».

Раздел 1. Совесть, или суд над собой

*От человека утаишь, а от совести не скроешь.
Русская пословица*

Побудительной силой утверждения в человеке добра является совесть – работа самосознания и чувство вины из-за собственного ошибочного поведения. Это гнев, обращенный внутрь себя. Одно из определений слова «совесть» в словаре В. И. Даля гласит: «Признание своей ошибки, совершенного проступка». Иначе говоря, совесть – это осознание человеком зла, умышленно или нечаянно причиненного другому человеку или животному. И не только осознание, но и страдание, и боль по поводу боли другого, виновником которой являешься ты сам. Чувство вины, раскаяния, нравственные муки – могучие силы духовной жизни человека. Смысл слова «совесть» Михаил Пришвин видел в том, что оно передает «весть» от человечества к человеку, и человек, принимая эту весть и разделяя ее, соответственно оценивает свои поступки. Пушкин сравнивал совесть с когтистым зверем, скребущим сердце. Если это так, то зачем она нужна человеку?

Ответить на этот вопрос помогут художественные произведения. Предлагаемые для чтения и обсуждения с детьми рассказы показывают, что развитие личности растущего человека, его социализация совершается в преодолении внутренних противоречий, в борьбе мотивов, в нравственной самооценке. С одной стороны, человеку хочется доказать себе, что «он ни при чем», что он не виноват в совершенном действии. Но, с другой стороны, некий тихий голос тайно твердит, что все-таки он виноват, и этот голос не дает ему покоя. Нужно определенное мужество, чтобы признать свою вину. И это признание, как говорил о нем русский философ Иван Ильин, *очистительно*. Оно рождает чувство ответственности, которое будет стоять на страже каждого нового поступка. Вместе с этим оно рождает понимание другого человека, его душевного состояние так, как если бы вина другого была его собственной.

Эмоциональные искания в детской душе, недовольство собой порой бывают глубоки и остры. Проникнувшись ими, разделив их с литературными героями в процессе чтения, юные читатели обогащаются опытом их разрешения, лучше узнают духовные возможности собственной личности. Помогая детям в процессе обсуждения вдуматься в тончайшие сферы переживаний персонажа-человека, библиотекарь, учитель, родитель расширяют эмоциональный диапазон души ребенка, обогащают его нравственную культуру, гуманизируют сознание, направляют на путь добрых поступков.

ЧИТАЕМ И ОБСУЖДАЕМ:

1. Астафьев В. «ЗАЧЕМ Я УБИЛ КОРОСТЕЛЯ?».
2. Осеева В. «БАБКА».

3. Солоухин В. «НОЖИЧЕК С КОСТЯНОЙ РУЧКОЙ».
4. Нагибин Ю. «СТАРАЯ ЧЕРЕПАХА».
5. Васильева Н. «ПОЛЫНЬЯ».

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ:

- Голявкин В. «СОВЕСТЬ».
- Вольф С. «ПОДАРОЧЕК».

О рассказе Виктора Астафьева «Зачем я убил коростеля?»

Это рассказ о совершенной в детстве провинности самого Астафьева, которую он не мог забыть всю жизнь. Рассказ входит в сборник его лучших рассказов о детстве «Конь с розовой гривой». «Животворный свет детства, – писал он, – согревал меня». Великодушные и беспощадность человека – всё, по его мнению, идет из детства. Ранней весной, возвращаясь с рыбалки, он увидел в высокой траве птицу коростеля. Она испугалась его и неуклюже пыталась убежать. Неуклюже потому, что у нее не было одной лапки. Мальчик из глупого азарта, не задумываясь о своем поступке, захлестал ее удилицем. Лишь взяв маленькое худенькое тельце мертвой птицы в руки, увидев болтающуюся шейку и одну ножку, он понял, какой скверный поступок совершил. Ему стало жалко загубленную птицу. Он похоронил ее в ямке, которую выгреб руками. Каждое лето после этого он ждал прилета этих птиц, олицетворяющих наступление лета, и все внушал себе, что убитая им птица уцелела и простила его за его жестокость. Еще больше раскаялся он, когда узнал, как сложно добираться этой птице из Африки до России, чтобы свить гнездо в родных местах. Два раза в год перелетает коростель через Средиземное море, останавливаясь лишь во Франции, где эту птицу считают священной.

Многое писателю пришлось повидать в жизни, он прошел войну, но не может забыть убитого им в детстве коростеля. И как только слышит скрип этой птицы, так дрогнет его сердце и снова его начинает мучить вопрос: «Зачем я убил коростеля?» Этот вопрос, означающий раскаяние человека в совершенном зле, и должен стать пружиной обсуждения рассказа.

Текст рассказа

Это было давно, лет, может, сорок назад. Ранней осенью я возвращался с рыбалки по скошенному лугу и возле небольшой, за лето высохшей бочажины¹, поросшей тальником, увидел птицу.

Она услышала меня, присела в скошенной щетинке осоки, притаилась, но глаз мой чувствовала, пугалась его и вдруг бросилась бежать, неуклюже заваливаясь набок.

От мальчишки, как от гончей собаки, не надо убегать – непременно бросится он в погоню, разожжется в нем дикий азарт. Берегись тогда живая душа!

Я догнал птицу в борозде и, слепой от погони, охотничьей страсти, захлестал ее сырым удилицем.

Я взял в руки птицу с завядшим, вроде бы бескостным тельцем. Глаза ее были прищемлены мертвыми, бесцветными веками, шейка, будто прихваченный морозом лист, болталась. Перо на птице было желтовато, со ржавинкой по бокам, а спина словно бы темноватыми гнилушками посыпана.

Я узнал птицу – это был коростель. Дергач по-нашему. Все его друзья-дергачи покинули наши места, отправились в теплые края – зимовать. А этот уйти не смог. У него не было одной лапки: в сенокос он попал под литовку². Вот потому-то он и бежал от меня так неуклюже, потому я и догнал его.

И худое, почти невесомое тельце птицы ли, нехитрая ли окраска, а может, и то, что без ноги была она, но до того мне сделалось жалко ее, что стал я руками выгребать ямку в борозде и хоронить так просто, сдуру загубленную живность.

Я вырос в семье охотника и сам потом сделался охотником, но никогда не стрелял без надобности. С нетерпением и виной, уже закоренелой, каждое лето жду я домой, в русские края, коростелей.

¹ Бочажина – глубокая лужа

² Литовка – распространенный вид косы

Уже черемуха отцвела, купава осыпалась, чемерица по четвертому листу пустила, трава в стебель двинулась, ромашки по угорам сыпанули и соловьи на последнем издыхе допевают песни.

Но чего-то не хватает еще раннему лету, чего-то недостает ему, чем-то недооформилось оно, что ли.

И вот однажды, в росное утро, за речкой, в лугах, покрытых еще молодой травой, послышался скрип коростеля. Явился, бродяга! Добрался-таки! Дергает-скрипит! Значит, лето полное началось, значит, сенокос скоро, значит, все в порядке.

И всякий год вот так. Томлюсь и жду я коростеля, внушаю себе, что это тот давний дергач каким-то чудом уцелел и подает мне голос, прощая того несмышленного, азартного парнишку.

Теперь я знаю, как трудна жизнь коростеля, как далеко ему добираться к нам, чтобы известить Россию о зачавшемся лете.

Зимует коростель в Африке и уже в апреле покидает ее, торопится туда, «где зори маковые вянут, как жар забытого костра, где в голубом рассвете тонут зеленокудрые леса, где луг еще косой не тронут, где васильковые глаза». Идет, чтобы свить гнездо и вывести потомство, выкормить его и поскорее унести ноги от губельной зимы.

Не приспособленная к полету, но быстрая на бегу птица эта вынуждена два раза в год перелетать Средиземное море. Много тысяч коростелей гинет в пути, и особенно при перелете через море.

Как идет коростель, где, какими путями – мало кто знает. Лишь один город попадает на пути этих птиц – небольшой древний город на юге Франции. На гербе города изображен коростель. В те дни, когда идут коростели по городу, здесь никто не работает. Все люди справляют праздник и пекут из теста фигурки этой птицы, как у нас, на Руси, пекут жаворонков к их прилету.

Птица коростель во французском старинном городе считается священной, и если бы я жил там в давние годы, меня приговорили бы к смерти.

Но я живу далеко от Франции. Много уже лет живу и всякого навидался. Был на войне, в людей стрелял, и они в меня стреляли.

Но отчего же, почему же, как заслышу я скрип коростеля за речкой, дрогнет мое сердце и снова навалится на меня одно застарелое мучение: зачем я убил коростеля? Зачем?

Вопросы к обсуждению:

1. Как вы оцениваете поступок мальчишки по отношению к раненной птице? Зачем он убил ее?
2. В какой момент и почему ему стало жалко ее?
3. Почему он каждое лето с особым нетерпением ждал прилета коростелей? Почему ему было важно, чтобы птица простила его?
4. Как встречают прилет коростеля во Франции, в городе, на гербе которого изображена птица коростель? Почему она там считается священной?
5. Почему, став взрослым и пройдя войну, где было много жестокости, писатель не может забыть убитого им в детстве коростеля? Почему каждый прилет птиц в его родные места вызывает в его душе мучение? Как называется у людей мучение из-за причиненного ими кому-то зла? Испытывали вы такое состояние когда-нибудь?

О рассказе Валентины Осеевой «Бабка»

Это один из первых рассказов писательницы, написанный ею еще до войны. Его высоко оценил мастер этого жанра Андрей Платонов. Он написал рецензию на этот рассказ, подчеркнув психологическую глубину и «сжатую силу» в изображении персонажей. Рассказ многогранный по своему нравственному содержанию. О нем можно вести разговор с детьми в разных направлениях, касающихся взаимоотношений в семье: о важности взаимопонимания разных поколений, о необходимости защиты старых людей, о разных жизненных позициях самих детей, о любви и бескорыстии, о благодарности и неблагодарности, о дружбе и сердечности, об обидах и прощении. В данном случае этот рассказ предлагается для обсуждения вопросов совести – запоздалого раскаяния за свое неблагодарное отношение к бабушке, пережитого подростком.

Валентина Осеева шестнадцать лет проработала в детском доме и хорошо знала детей, понимала их и сочувствовала им. И все же назвала она свой рассказ не именем его главного героя – школьника Борьки, а его бабушки, которую в семье звали пренебрежительно – «бабка», видя в ней отжившее, никому не нужное существо. Никто не ценил того, что она кормила всех, убирала за всеми, любила всех бескорыстно. Наиболее добрые отношения сложились у бабушки с Борькой – ее внуком, хотя он не имел привычки даже здороваться с ней и часто досаждал ей своим поведением, обижал ее. Однако именно с ней он делился своими школьными проблемами и получал от нее добрые советы. Заставил задуматься Борьку об отношении к бабке его одноклассник, в семье которого ценили и уважали свою бабушку, признавали в ней главного человека. Но больше всего Борька осознал свою вину перед бабкой, когда ее не стало. Хотя у него есть и отец, и мать, но он почувствовал себя осиротевшим. Почему?

Текст рассказа (в сокращении)

Бабка спала на сундуке. Всю ночь она тяжело ворочалась с боку на бок, а утром вставала раньше всех и гремела в кухне посудой. Потом будила зятя и дочь... Подходила к Борьке:

– Вставай, батюшка мой, в школу пора!

– Зачем? – сонным голосом спрашивал Борька.

– В школу зачем? Темный человек глух и нем – вот зачем!

Борька прятал голову под одеяло:

– Иди ты, бабка...

Но бабка не уходила. Она натягивала на Борьку чулки, фуфайку. На лестнице бабка совала ему в сумку яблоко или конфету, а в карман чистый носовой платок.

Потом уходила на работу мать. Она оставляла бабке продукты и уговаривала ее не трать лишнего. Потом сыпались на бабку другие наставления. Бабка принимала их молча, без возражения.

Когда дочь уходила, она начинала хозяйничать. Чистила, мыла, варила, потом вынимала из сундука спицы и вязала.

Приходил из школы Борька, сбрасывал на руки бабке пальто и шапку, швырял на стул сумку с книгами и кричал:

– Бабка, поесть!

Бабка прятала вязанье, торопливо накрывала на стол и, скрестив на животе руки, следила, как Борька ест. В эти часы как-то невольно Борька чувствовал бабку своим, близким человеком. Он охотно рассказывал ей об уроках, товарищах.

– Все хорошо, Борюшка, и плохое и хорошее хорошо. От плохого человек крепче делается, от хорошего душа у него зацветает...

Наевшись, Борька отодвигал от себя тарелку:

– Вкусный кисель сегодня! Ты ела, бабка?

– Ела, ела, – кивала головой бабка. – Не заботься обо мне, Борюшка, я, спасибо, сыта и здорова.

После обеда, если Борька оставался дома, бабка подавала ему газету и, присаживаясь рядом, просила:

– Почитай что-нибудь из газеты, Борюшка, кто живет, а кто мается на белом свете.

– «Почитай»! – ворчал Борька. – Сама не маленькая!

Со двора доносился визг ребят.

– Давай пальто, бабка, скорей, некогда мне!

Досаждали бабке забавы внука. То летали по комнате белые, как голуби, вырезанные из бумаги самолеты. Описав под потолком круг, они застревали в масленке, падали на бабкину голову. То являлся Борька с новой игрой – в «чеканочку». Завязав в тряпочку пятак, он бешено прыгал по комнате, подбрасывая его ногой. А бабка бегала за ним и растерянно повторяла:

– Батюшки, батюшки... Да что же это за игра такая? Да ведь ты все в доме переколотишь.

– Бабка, не мешай! – задыхался Борька.

– Да ногами-то зачем, голубчик? Руками-то безопасней ведь.

– Отстань, бабка! Что ты понимаешь? Ногами надо.

Пришел к Борьке товарищ. Товарищ сказал:

– Здравствуйте, бабушка!

Борька весело подтолкнул его локтем:

– Идем, идем! Можешь с ней не здороваться. Она у нас старая старушенция.

Бабка одернула кофту, поправила платок и тихо пошевелила губами:

– Обидеть – что ударить, приласкать – надо слова искать.

А в соседней комнате товарищ говорил Борьке:

– А с нашей бабушкой всегда здороваются. И свои, и чужие. Она у нас главная.

– Как это – главная? – заинтересовался Борька.

– Ну, старенькая... всех вырастила. Ее нельзя обижать... А что же ты своей-то так?

Смотри, отец взгреет за это.

– Не взгреет! – нахмурился Борька. – Он сам с ней не здоровается.

После этого разговора Борька часто ни с того ни с сего спрашивал бабку:

– Обижаем мы тебя?

А родителям говорил:

– Наша бабка лучше всех, а живет хуже всех – никто о ней не заботится.

Мать удивлялась, а отец сердился:

– Кто это тебя научил родителей осуждать? Смотри у меня – мал еще!

Бабка, мягко улыбаясь, качала головой.

– Вам бы, глупые, радоваться надо. Для вас сын растет! Я свое отжила на свете, а ваша старость впереди. Что убьете, то не вернете.

Перед праздником возилась бабка до полуночи в кухне. Гладила, чистила, пекла. Утром поздравляла домашних, подавала чистое глаженое белье, дарила носки, шарфы, платочки.

Борька удивлялся:

– Когда это ты навязала, бабка? Ведь у тебя глаза старые – еще ослепнешь!

Бабка улыбалась морщинистым лицом. Были на этом лице разные морщины: глубокие, мелкие, тонкие, как ниточки, и широкие, вырытые годами.

– Чего это ты такая разрисованная? Старая очень? – спрашивал он.

Бабка задумывалась.

– По морщинам, голубчик, жизнь человеческую, как по книге, можно читать.

– Как же это?

– Просто горе и нужда здесь расписались. Детей хоронила, плакала – ложились на лицо морщины. Мужа на войне убили – много слёз было, много и морщин осталось.

Слушал Борька и со страхом глядел в зеркало: мало ли он поревел в своей жизни – неужели все лицо такими нитками затянется?

– Иди ты, бабка! – ворчал он. – Наговоришь всегда глупостей...

Была у бабки заветная шкатулка с двумя замками; никто из домашних не интересовался этой шкатулкой.

Борьку одолевало любопытство:

– Что там у тебя, бабка?

– Вот помру – все ваше будет! – сердилась она. – Оставь ты меня в покое, не лезу я к твоим-то вещам!

– Все равно открою!..

Бабка заплакала, отошла в свой угол, легла на сундук. Тогда Борька испугался... бросил ей шкатулку и убежал.

За последнее время бабка вдруг сгорбилась, спина у нее стала круглая, ходила она тише и все присаживалась.

– В землю вращает, – шутил отец.

– Не смейся над старым человеком! – обижалась мать. А бабке в кухне говорила: – Что это вы, мама, как черепаха, по комнате двигаетесь. Пошлешь вас за чем-нибудь и назад не дождешься.

Умерла бабка перед Майским праздником. Умерла одна, сидя в кресле с вязаньем в руках: лежал на коленях недоконченный носок, на полу – клубок ниток. Ждала, видно, Борьку. Стоял на столе готовый прибор. Борька долго глядел на мертвую бабку и вдруг опрометью бросился из комнаты. Бегал по улицам и боялся вернуться домой. А когда открыл дверь, отец и мать были уже дома. Мать плакала. А отец вполголоса утешал ее:

– Пожила – и довольно. Мы ее не обижали, терпели и неудобства и расход.

На другой день бабку схоронили...

Вернувшись со двора, Борька застал мать сидящей перед раскрытым сундуком. На полу была свалена всякая рухлядь. Мать вынула смятый рыжий башмачок и осторожно расправила его пальцами.

– Мой еще, – сказала она и низко наклонилась над сундуком. – Мой...

На самом дне загремела шкатулка.

– Без ключей не открыть, – сказал Борька и отвернулся.

Когда ключи нашли, у Борьки отчего-то сжалось сердце.

Шкатулку открыли. Отец вынул тугой сверток: в нем были теплые варежки для Борьки, носки для зятя и безрукавка для дочери. За ними следовала вышитая рубашка из старинного выцветшего шелка – тоже для Борьки. В самом углу лежал пакетик с леденцами, перевязанный красной ленточкой. На пакетике что-то было написано большими печатными буквами. Отец повертел его в руках, прищурился и громко прочел:

– «Внуку моему Борюшке».

Борька вдруг побледнел, вырвал у него пакет и убежал на улицу. Там, присев у чужих ворот, долго вглядывался он в бабкины каракули: «Внуку моему Борюшке». В букве «ш» было четыре палочки.

«Не научилась!» – подумал Борька. И вдруг, как живая, встала перед ним бабка – тихая, виноватая, не выучившая урока.

Борька растерянно оглянулся на свой дом и, зажав в руке пакетик, побрел по улице вдоль чужого длинного забора...

Домой он пришел поздно вечером; глаза у него распухли от слёз, к коленкам пристала свежая глина.

Бабкин пакетик он положил к себе под подушку и, закрывшись с головой одеялом, подумал: «Не придет утром бабка!»

Вопросы к обсуждению:

1. Как вы представляете членов данной семьи? Что о каждом можно сказать? Ваше отношение к ним?
2. Была ли бабка лишней в семье, как считали взрослые ее члены? В чем состояла ее роль кроме того, что она чистила, убирала, вязала? Почему так грустно звучат последние слова рассказа: «Не придет утром бабка!»?
3. Как она относилась к каждому члену семьи и как они к ней? Было ли равенство в семейных отношениях? Хорошо ли бабке жилось в этой семье? О чем говорит фраза: «Бабка спала на сундуке»? Отец Борьки считал, что никто бабку не обижал. Так ли это?
4. Как повлиял приятель Борьки на отношение Борьки к бабушке?
5. Почему содержание шкатулки, вскрытой после смерти бабушки, так растрогало Борьку?
6. Как вы понимаете слова бабки: «Обидеть – что ударить, приласкать – надо слова искать»? Какое отношение эти слова имеют к Борьке и к самой бабке?
7. Как вы думаете, раскаялся ли Борька в своем отношении к бабке? Чем это можно доказать?
8. Какой завет оставила бабка внуку? А какой завет ваша бабушка или родители дают вам?

О рассказе Юрия Нагибина «Старая черепаха»

Если в рассказе В. Осеевой «Бабка» шел разговор о пробудившейся совести подростка за свое отношение к бабушке, то в рассказе Ю. Нагибина идет речь об осознании ребенком своей вины перед старой, мало подвижной черепахой Машкой, которую он променял на двух маленьких быстрых черепашек. Очень они ему понравились: с ними было интересно играть. На старой можно было только сидеть или стоять. Для игры она не годилась.

Когда Вася принес домой двух новых черепашек, продав для этого старую, мать огорчилась, но он не понял почему. Ему казалось, что ничего плохого он не сделал. Правда, когда он передавал старую черепаху новому владельцу, у него замерло дыхание и стало пощипывать в носу, но он не придал этому значения. Он был счастлив и полюбил маленьких черепашек, о чем признался матери. От нее вместо похвалы услышал: «Выходит, старый-то друг не лучше новых двух». Вечером, лежа в постели и укрывшись одеялом, он начал обдумывать эти слова и уговаривать себя, что ничего дурного не сделал. У старой черепахи он стал выискивать недостатки. И все-таки беспокойно стало у него на душе: новым хозяевам он не объяснил, как надо за ней ухаживать, как кормить. Если неправильно, она может умереть. И чем больше думал об этом, тем сильнее чувствовал недовольство собой. Впервые Васе стало казаться, что он сделал то, чего нельзя было делать. Ему пришла в голову мысль, что мир существует не только для него, но и он – для мира. Возникшее чувство вины подняло его с кровати. Он засунул маленьких черепашек к себе под рубашку и направился к дому, где находилась старая черепаха, чтобы забрать ее у нового хозяина, а ему отдать молодых. И хотя ночью ему было страшно, он заставил себя идти. Он не знал, что за ним следует его мать, чтобы охранять его издали и не помешать своим окриком «первому доброму подвигу своего сына». На этой фразе заканчивается рассказ, оставив читателю возможность поразмыслить над ним и продолжить его.

Текст рассказа (в сокращении)

Вася поднял глаза. Над дверью висела небольшая вывеска, на ней было выведено «Зоо-магазин». Мать с привычной покорностью последовала за сыном. Вася долго стоял у аквариума, затем понуро направился в темную глубь магазина. И тут раздался его ликующий вопль: – Мама, смотри!

Мать сразу все поняла. Она подошла к сыну. В углу магазина, на дне выстланного соломой ящика, шевелились две крошечные черепашки. Они были не больше Васиного кулака, удивительно новенькие и чистенькие. Черепашки бесстрашно карабкались по стенам ящика, оскальзывались, падали на дно и снова, проворно двигая светлыми лапками с твердыми коготками, лезли наверх.

– Мама! – проникновенно сказал Вася, он даже не добавил грубого слова «купи».

– Хватит нам возни с Машкой, – устало отозвалась мать.

– Мама, да ты посмотри, какие у них мордочки!

Вася никогда ни в чем не знал отказа, ему все давалось по щучьему велению. Это хорошо в сказке, но для Васи сказка слишком затянулась.

Мать отрицательно покачала головой:

– Нет, три черепахи в доме – это слишком!

– Хорошо, – сказал Вася с вызывающей покорностью. – Если так, давай отдадим Машку, она все равно очень старая.

– Ты же знаешь, это пустые разговоры.

Мальчик обиженно отвернулся от матери и тихо произнес:

– Тебе просто жалко денег...

Мать сказала резко:

– Довольно! Сейчас же идем отсюда!

Для Васи это было странное утро. На пляже каждый камень представлялся ему маленькой золотистой черепашкой. В своей рассеянности мальчик даже не ощутил обычной радости купания, равнодушно вышел из воды по первому зову матери и медленно побрел за ней следом. У него не было никаких желаний и мыслей, кроме одной, неотвязной, как наваждение, и, когда они пришли домой, Вася твердо знал, что ему делать.

Днем старая черепаха всегда хоронилась в укромных местах: под платяным шкафом, под диваном, уползала в темный, захламленный чулан. Но сейчас Васе повезло: он сразу обнаружил Машку под своей кроватью.

– Машка! Машка! – позвал он ее, стоя на четвереньках.

Но темный круглый булыжник долго не подавал никаких признаков жизни. Наконец в щели между щитками что-то зашевелилось... И минуты через три Машка выползла из-под кровати.

Не было на свете более ненужного существа, чем Машка, но и она на что-то годилась: на ней можно было сидеть и даже стоять. Вася потянулся к Машке и прижал ее рукой; под его ладонью она продолжала скрести пол своими раскоряченными лапами. Ее панцирь, состоящий из неровных квадратиков и ромбов, весь словно расшился от старости, на месте швов пролегли глубокие бороздки, и Вася почему-то раздумал на нее садиться. Он спрятал Машку под рубаху и быстро вышел на улицу.

Над поредевшим, полусонным от жары базаром высоко и печально звучал детский голос:

– Черепаха! Продается черепаха!

Васе казалось, что он стоит так уже много-много часов; прямые, жестокие лучи солнца пекли его неприкрытую голову, пот стекал со лба и туманил зрение, каменно-тяжелая Машка больно оттягивала руки. Его так и тянуло присесть на пыльную землю.

– Черепаха! Продается черепаха!

Вася произносил эти слова все глуше, он словно и боялся и хотел быть услышанным. Но люди, занятые своим делом, равнодушно проходили мимо него; они не видели ничего необычного в том, что для Васи было едва ли не самым трудным испытанием за всю его маленькую жизнь. Если бы вновь очутиться в родном, покинутом мире, где ему так хорошо жилось под верной маминой защитой!

Но едва только Вася допускал себя до этой мысли, как родной дом сразу утрачивал для него всю прелесть, становился немилым и скучным, ведь тогда пришлось бы навсегда отказаться от веселых золотистых черепашек.

– Ого, черепаха! Вот это-то мне и надо!

Вася так углубился в себя, что вздрогнул от неожиданности и чуть не выронил Машку из рук. Перед ним стоял рослый, плечистый человек, видимо портовый грузчик, и с каким-то детским восхищением глядел на старую черепаху.

– Продаешь, малец?

– Да...

– Сколько просишь?

– Девять... – смущенно сказал Вася, припомнив цену, какую в зоомагазине просили за двух черепашек.

– Нету у меня с собой девяти, понимаешь, – сказал он озабоченно, – ровно семь.

Вася был в отчаянии.

– Постой-ка, малец, – нашелся вдруг грузчик, – я тут близко живу, зайдем ко мне, я тебе вынесу деньги!

И вот они вместе зашагали с базара. Вася был очень счастлив, все так хорошо вышло, он был горд своим первым жизненным свершением, к тому же ему нравилось шагать сейчас рядом с этим сильным и мужественным человеком, как равному с равным.

– Вот и пришли, малец. Обожди тут, я мигом!

Вася стоял перед белым одноэтажным домиком, окруженным густо разросшимися кустами акации. Ему очень хотелось увидеть мальчика, которому достанется Машка.

– Эх, жаль, сынишки нет дома, – сказал, появившись, грузчик, – а то познакомились бы. На, принимай монету! Да ты посчитай: денежки счет любят!

– Нет, зачем же... – пробормотал Вася и протянул покупателю Машку.

Тот взял ее в свои большие ладони и приложил к уху, словно часы.

– А она не пустая внутри? – Грузчик, примостив черепаху против глаз, заглядывал в щель между щитками. – Нет, вроде там что-то трудится! Ну, бывай здоров, малец, спасибо тебе!

– Вот что, ее зовут Машкой... – вдруг быстро и взволнованно заговорил Вася. – Она очень фрукты любит и молоко тоже пьет..

– Ишь ты, – усмехнулся грузчик, – простая тварь, а туда же!

Он сунул Машку в широкий карман своей куртки и пошел к дому. А Вася растерянно глядел ему вслед. Он хотел еще много рассказать о Машке, о ее повадках, капризах и слабостях, о том, что она хорошая и добрая черепаха. В носу у него странно пощипывало, но он нахмурил брови, зажал в кулаке деньги и со всех ног бросился к зоомагазину.

Когда Вася принес домой двух маленьких черепашек и в радостном возбуждении поведал матери о всех своих приключениях, она почему-то огорчилась.

– Да, да, – только и сказала она задумчиво и печально, – милые зверушки.

Вася не заметил, как прошла вторая половина дня. Малыши были на редкость забавные, смелые и любознательные. Они оползли всю комнату, двигаясь кругами навстречу друг другу, а столкнувшись, не сворачивали в сторону, а лезли друг на дружку, стучаясь панцирем о панцирь. Не в пример старой, угрюмой Машке они не стремились забиться в какой-нибудь потайной угол, а если и хоронились порой, то это выглядело как игра в прятки.

На ночь Вася уложил их в ящик с песком и поставил на виду, против изголовья своей кровати. Ложась спать, он сказал матери счастливым, усталым, полусонным голосом:

– Знаешь, мама, я так люблю этих черепашек!

– Выходит, старый-то друг не лучше новых двух, – заметила мать, накрывая сына одеялом.

Бывают слова, как будто простые и безобидные, которые, будучи сказаны ко времени, вновь и вновь возникают в памяти и не дают тебе жить. В конце концов, Машка даже и не друг ему, Васе, а просто старая, дряхлая черепаха, и ему вовсе не хочется думать о ней. И все-таки думается все о той же никудышной Машке. Думается тревожно, нехорошо.

Почему он не сказал тому человеку, что на ночь Машку надо прятать в темноту? А теперь, наверное, зеленый свет месяца бьет в ее старые глаза. И еще не сказал он, что к зиме ей надо устроить пещерку из ватного одеяла, иначе она проснется от своей зимней спячки. И тогда она может умереть, потому что в пору спячки черепахи не принимают пищи. Конечно, он может завтра же пойти и все сказать, но захотят ли новые хозяева столько возиться со старой Машкой? Успокоение не приходило. Тогда он натянул одеяло на голову, чтобы скорее уснуть, но перед ним вновь возникли голые, немигающие птичьи глаза Машки, в которых отражался беспощадный зеленый свет месяца.

Вася сбросил одеяло и сел на кровати. Он уже не испытывал ни жалости к Машке, ни раздражения против матери, отказавшейся держать в доме трех черепах. Все это вытеснилось в нем каким-то непонятным, болезненным чувством недовольства собой, обиды на себя. Это чувство было таким большим и незнакомым, что оно не помещалось в Васе, ему нужно было дать выход, и Вася попытался заплакать. Но ничего не получилось. Это горькое, едкое чувство высушило в нем все слезы.

Впервые Васе перестало казаться, что он самый лучший мальчик в мире, достойный иметь лучшую маму, самые лучшие игрушки, самые лучшие удовольствия. «Но что я такое сде-

лал? – спрашивал он себя с тоской. – Продал старую, совершенно ненужную мне черепаху». – «Да, она тебе не нужна, – прозвучал ответ, – но ты ей нужен. Все, что есть хорошего на свете, было для тебя, а ты для кого был?» – «Я кормлю птиц и рыб, я меняю им воду». – «Да, пока тебе с ними весело, а не будет весело, ты сделаешь с ними то же, что и с Машкой». – «А почему же нельзя так делать?»

Вася не мог найти ответа, но ответ был в его растревоженном сердце, впервые познавшем простую, но неведомую прежде истину: не только мир существует для тебя, но и ты для мира. И с этим новым чувством возникло в нем новое веление. И это веление заставило Васю вскочить с кровати и быстро натянуть одежду.

Вася нащупал ящик и, достав черепашек, сунул их под рубашку. Выйдя из комнаты, мальчик тихонько притворил за собой дверь. Вася вышел на улицу спокойным и уверенным шагом сильного и доброго человека. Луна высоко стояла на небе, холодно светилась бледная ширь улицы. Вася оглянулся на калитку. «Не смей!» – сказал он себе и заставил себя думать о том, куда и зачем он идет, и думал до тех пор, пока тело его стало послушно не страху, а этой большой и важной мысли.

Возможно, что мать сквозь сон уловила какой-нибудь непривычный шум. Она встала, натянула платье и подошла к Васиной постели. Одежда лежала комком. Мать заглянула в черепаший ящик – черепашек не было, и она сразу все поняла. Набросив на плечи плащ, она вышла из дому и быстро зашагала туда, где, по рассказу Васи, находился белый домик с палисадником. Вскоре она увидела впереди фигурку сына.

Вася шел по середине улицы, обсаженной густыми темными каштанами. Он казался таким крошечным на пустынной мостовой, что у нее сжалось сердце. Она шла и думала, какое счастье, если у ее мальчика будет сильное и верное сердце. Мать не окликнула Васю: она решила охранять его издали, чтобы не помешать первому доброму подвигу своего сына...

Вопросы к обсуждению:

1. Почему мама Васи была недовольна, что он променял старую черепаху на двух молодых? Оправдываете ли вы его поступок?
2. Как вы понимаете пословицу «Старый друг лучше новых двух»? Почему изменилось отношение Васи к самому себе, когда он понял, что поступил не так, как гласит пословица?
3. Разделяете ли вы намерение Васи вернуть старую черепаху? Почему он решил это сделать?
4. Что означают слова: «Не только мир существует для тебя, но и ты для мира»? Какое отношение они имеют к Васе? А может быть, они имеют отношение к каждому из нас?
5. Что заставило Васю вскочить с кровати и идти по ночным улицам, чтобы вернуть черепаху?
6. Почему мама не окликнула своего сына, а лишь издали охраняла его? Поддерживаете ли вы ее мысль, что сын совершил первый добрый подвиг?

О рассказе Владимира Солоухина «Ножичек с костяной ручкой»

Рассказ построен на воспоминании автором случая из его собственного детства. Когда ему было восемь лет и ходил он во второй класс, привезли ему из Москвы красивый перочинный ножичек с костяной ручкой и зеркальными лезвиями. Он стал для мальчика настоящим сокровищем, и он широко его использовал в своих мальчишеских делах. Даже учителю ножичек пригодился для оттачивания карандашей. Мальчик всегда носил его в сумке. И вот однажды в сумке ножичка не оказалось. Обнаружил он это на уроке. И первая мысль, какая пришла ему в голову, что ножичек украли. Он сказал об этом учителю. В классе начался допрос – кто взял ножичек. Но никто не признался. Не дала результат и проверка сумок и парт учеников. И в тот момент, когда уже почти все ученики были проверены, ножичек выскользнул из одной из тетрадок хозяина. Этот факт шокировал мальчика. Вместо радости начались терзания. Он не знал, как ему поступить: сознаться, что ножичек нашелся, или промолчать. Ему проще было промолчать, но тогда останется впечатление, что в классе есть воришка. Из-за несчастного ножичка учеников обыскивали, ставили их в унижительное положение, сорвали урок. Хотя и неосознанно, но мальчик причинил классу зло. Признаться, что ножичек нашелся, означало поставить под удар себя, вызвать гнев и учеников и учителя. И все-таки он выбрал второе. Учитель выгнал его из класса. И вместо того чтобы бежать домой и выплакаться там, он встал около дверей школы, готовый на добровольную казнь – выслушивать упреки проходящих мимо одноклассников: «Эх ты!..»

В центре обсуждения рассказа дилемма: как поступить – выгородить себя, поставив под удар класс, или снять с класса позор ценой собственного унижения. Мальчик выбирает второе: совесть не позволила ему промолчать о находке, то есть солгать, хоть и хотелось, чтобы и ножичек, и он сам провалились бы сквозь землю.

Текст рассказа (в сокращении)

Из Москвы мне привезли небольшой перочинный ножичек с костяной ручкой и двумя зеркальными лезвиями. Одно лезвие побольше, другое – поменьше. На каждом – ямочка, чтобы зацеплять ногтем, когда нужно открыть. Отец наточил оба лезвия на камне, и ножичек превратился в бесценное сокровище. Может быть, не все мне поверят, но палку толщиной с большой палец я перерезал своим ножичком с одного раза. Чтобы вырезать свисток, напротив, нужна тонкая работа. И тут особенно важна острота. Из-под моего ножичка выходили чистенькие, аккуратные свистки.

С 1 сентября открылось еще одно преимущество моего ножа. Даже сам учитель Федор Петрович брал у меня ножик, чтобы зачищать карандаш. Неприятность как раз произошла на уроке, при Федоре Петровиче. Мы с Юркой решили вырезать на парте что-нибудь вроде буквы «В» или буквы «Ю», и я полез в сумку, чтобы достать ножичек.

Рука, не встретив ножичка в привычном месте, судорожно мыкнулась по дну сумки, заметалась там среди книжек и тетрадей, а под ложечкой неприятно засосало, и ощущение неправимости свершившегося холодком скользнуло вдоль спины. Забыв про урок и про учителя, я начал выворачивать карманы, шарить в глубине парты, полез в Юркино отделение, но тут Федор Петрович обратил внимание на мою возню и мгновенно навис надо мной во всем своем справедливом учительском гнев.

– Что случилось, почему ты под партой? (Значит, уже сполз я под парту в рвении поисков.) Встань как следует, я говорю!

Наверно, я встал и растерялся, и, наверно, вид мой был достаточно жалок, потому что учитель смягчился:

– Что случилось, можешь ты мне сказать?

– Ножичек у меня украли... который из Москвы...

Почему я сразу решил, что ножичек украли, а не я сам его потерял, неизвестно. Но для меня-то сомнений не было: конечно, кто-нибудь украл – все ведь завидовали моему ножу.

– Может, ты забыл его дома? Вспомни, подумай хорошенько.

– Нечего мне думать. На первом уроке он у меня был, мы с Юркой карандаши чинили... А теперь нету...

– Юрий, встань! Правда ли, чинили карандаши на первом уроке?

Юрка покраснел, как вареный рак. Ему-то наверняка не нравилась эта история, потому что сразу все могли подумать на него, раз он сидит со мной рядом на одной парте. Про карандаши он честно сознался:

– Чинили.

– Ну хорошо! – угрожающе произнес Федор Петрович, возвращаясь к своему столу и оглядывая класс злыми глазами. – Кто взял нож, подними руку!

Ни одна рука не поднялась. Покрасневшие лица моих товарищей по классу опускались ниже под взглядом учителя.

– Ну хорошо! – Учитель достал список. – Барсукова, встать! Ты взяла нож?

– Я не брала.

– Садись. Воронин, встать! Ты взял нож?

– Я не брал.

Один за другим вставали мои товарищи по классу, которых теперь учитель (а значит, вроде бы и я с ним заодно) хотел уличить в воровстве. Они вставали в простеньких деревенских платишках и рубашонках, растерянные, пристыженные... Каждый из них краснел, когда вставал на оклик учителя, каждый из них отвечал одно и то же:

– Я не брал...

– Ну хорошо, – в последний раз произнес Федор Петрович. – Сейчас мы узнаем, кто из вас не только вор, но еще и трус и лгун. Выйти всем из-за парт, встать около доски!

Всех ребятишек, кроме меня, учитель выстроил в линейку около классной доски, и в том, что я остался один сидеть за партой, почудилась мне некая отверженность, некая грань, отделившая меня ото всех, грань, которую перейти мне потом, может быть, будет не так просто.

Первым делом Федор Петрович стал проверять сумки, портфелишки и парты учеников. Он копался в вещичках ребятишек с пристрастием; и мне уже в этот момент (не предвидя еще всего, что случится потом) было стыдно за то, что я невольно затеял эту заварушку.

Прозвенел звонок на перемену, потом снова на урок, потом снова, но теперь не на перемену, а идти домой – поиски ножа продолжались. Мальчишки из других классов заглядывали в дверь, глазели в окна: почему мы не выходим после звонка и что у нас происходит? Нашему классу было не до мальчишек.

Тщательно обыскав все сумки и парты, Федор Петрович принялся за учеников. Проверив карманы, обшарив пиджачки снизу (не спрятал ли за подкладку?), он заставил разуваться, развертывать портянки, снимать чулки и, только вполне убедившись, что у этого человека ножа нет, отправлял его в другой конец класса, чтобы ему не мог передать пропавшее кто-нибудь из тех, кого еще не обыскивали.

Постепенно ребят около доски становилось все меньше, в другом конце класса все больше, а ножичка нет как нет!

И вот что произошло, когда учителю осталось обыскать трех человек. Я стал укладывать в сумку тетради и книжки, как вдруг мне на колени из тетрадки выскользнул злополучный ножичек. Теперь я уж не могу восстановить всего разнообразия чувств, нахлынувших на меня в одно мгновение. Ручаться можно только за одно – это не была радость от того, что пропажа нашлась, что мой любимый ножичек с костяной ручкой и зеркальными лезвиями опять у меня

в руках. Напротив, я скорее обрадовался бы, если бы он провалился сквозь землю, да, признаться, и самому мне в то мгновение хотелось провалиться сквозь землю.

Между тем обыск продолжался, и мне, прожившему на земле восемь лет, предстояло решить одну из самых трудных человеческих психологических задач.

Если я сейчас не признаюсь, что ножик нашелся, все для меня будет просто. Ну не нашли и не нашли. Может, его кто-нибудь успел спрятать в щель, за обои, в какую-нибудь дырочку в полу. Но, значит, так и останется впечатление, что в нашем классе учился воришка. Может быть, каждый будет думать на своего товарища, на соседа по парте.

Если же я сейчас признаюсь... О, подумать об этом было ужасно!.. Значит, из-за меня понапрасну затеялась вся эта история, из-за меня каждого из этих мальчишек и девчонок унижительно обыскивали, подозревали в воровстве. Из-за меня их оскорбили, обидели, ранили. Из-за меня, в конце концов, сорвали уроки... Может быть, им все-таки легче думать, что их обыскивали не зря, что унизили не понапрасну?

Наверно, не так я все это для себя сознавал в то время. Но помню, что провалиться сквозь землю казалось мне самым легким, самым желанным из того, что предстояло пережить в ближайшие минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.